

Ты и дядя вместе

К концу часа Собаки Чжунли Юй уже сидел в главном зале, сонно клюя носом. Видя это, управляющий Сюй сжался от жалости:

— Юный господин, позвольте дедушке Сюю отправить вас в постель. Я сам дождусь вашего дядю.

Чжунли Юй потер глаза, из последних сил стараясь не уснуть.

— Дедушка Сюй, я совсем не хочу спать...

— Хорошо, тогда иди ко мне на руки. Если станет совсем не вмоготу, просто закрой глаза и немного отдохни, договорились?

Чжунли Юй послушно кивнул. Его веки то смыкались, то вновь распахивались — казалось, они смазаны густым клеем.

Это была загородная усадьба, которую управляющий приобрел за пределами города. Коу Цзин часто возвращался поздно, а городские ворота в сумерках закрывались рано. Нельзя было допустить, чтобы господин снова провел всю ночь в седле под открытым небом, как в прошлый раз.

Снаружи раздался беспорядочный топот копыт — судя по звуку, прибыл целый отряд.

— Скорее, отворяйте ворота! Это господин вернулся! — радостно воскликнул Сюй.

Слуги торопливо сняли тяжелые засовы и распахнули створки. Пред ними действительно предстали несколько десятков всадников. Мужчины держались в седлах прямо, от каждого исходила суровая, гнетущая аура войны. Их пронзительные взгляды заставили двоих юных слуг у ворот едва ли не задрожать от страха.

— Дедушка Сюй, спусти меня, — проснулся Чжунли Юй. Он спрыгнул на землю, не желая, чтобы дядя видел, как его нянчат на руках.

Старик поспешно поставил его и, взяв за руку, вышел встречать гостя.

— Дядя!

— Господин, вы наконец вернулись! — управляющий смотрел на Коу Цзина, который со времени последней встречи, казалось, еще больше осунулся. Глаза Сюя наполнились слезами. Его господин по праву рождения должен был стать благородным книжником, как и старый хозяин! — Путь был долгим и трудным, скорее идите в дом отдыхать. На кухне уже всё готово. Прошу вас и ваших доблестных воинов подкрепиться.

Слуги хотели было забрать коней, но люди Коу Цзина отказались. Кони, прошедшие через битвы, были куда свирепее обычных тягловых лошадок. К чужаку они могли и близко не подпустить, а то и вовсе лягнуть.

Отведя скакунов в конюшню на заднем дворе, Коу Цзин повел отряд внутрь. Мужчины, сменив суровость на улыбки, вежливо приветствовали управляющего.

Один из них присел перед Чжунли Юем:

— Здравствуй, юный господин.

Лицо воина пересекал глубокий шрам, который и при свете дня выглядел устрашающе, а в пляшущих тенях от свечей казался и вовсе зловещим.

— Доу Бин, не пугай юного господина из семьи сотника, живо встань, — осадил его Ху Цзюнь.

— Здравствуйте, дяди, — звонко ответил Чжунли Юй. — Мне совсем не страшно. У моего дяди тоже есть такой шрам, так что вы мне кажетесь почти родными. К тому же, дядя Чу говорил: шрамы — это почетные медали героя, которые невозможно стереть. Вы вместе с моим дядей защищали страну, спасибо вам за ваш труд.

Наивные и искренние слова ребенка заставили этих закаленных воинов почувствовать, как к горлу подкатывает ком. Солдатская доля не ищет признания, но осознание того, что их жертвы видят и ценят, согрело им души.

— Золотые слова! «Шрамы — медали героя!» — не удержался Чжун Бао. — А я-то всё думал, что за неженки эти белолицые ученые, и ведь бабы их только и ценят!

Все дружно расхохотались. Память о том, как во время последнего отпуска жена попрекнула его неряшливым видом, до сих пор не давала Чжун Бао покоя.

— Довольно, идемте есть, — позвал Коу Цзин.

В этот раз они вернулись с особым поручением. Чтобы сэкономить время в пути, они ехали налегке, питаясь лишь черствыми маньтоу.

Управляющий, зная, что прибудет около десятка человек, велел приготовить еды на двадцать персон, полагая, что этого хватит с избытком. Однако, едва опустошив все тарелки, воины заявили, что сегодня поели лишь для того, чтобы «заморить червячка», а по-настоящему наедятся уже завтра.

У Сюя потемнело в глазах. Он решил, что завтра же нужно вызвать из поместья еще двоих поваров, иначе здешние кулинары к вечеру от натуги превратятся в тени самих себя.

Когда гостей наконец устроили, управляющий подошел к дверям Коу Цзина. Услышав плеск воды, он спросил:

— Господин, я приготовил для вас свежую одежду. Позвольте внести?

Получив разрешение, Сюй вошел и увидел господина, сидящего на кровати. Тот был лишь в нижних штанах, обнажая торс, и старательно втирал мазь из маленького фарфорового флакона в старые раны.

Глядя на эти отметины, покрывавшие тело Коу Цзина, старик снова почувствовал щемящую боль в груди.

— Господин, позвольте мне помочь?

Коу Цзин нахмурился:

— Дядя Сюй, разве я не просил тебя не называть себя слугой? Сейчас, кроме Юй-эра, ты мой единственный близкий человек.

— Да, виноват, больше не буду. Просто вы так похожи на старого хозяина... Мои старые глаза то и дело путают вас, вот слова и вылетают сами собой.

Управляющий принялся осторожно втирать мазь в шрамы на спине господина, не в силах сдержать вздоха.

Упоминание об отце заставило Коу Цзина замолчать. Спустя долгое время он произнес:

— Будь отец жив, он наверняка был бы разочарован, глядя на меня сейчас.

Отец его, блестяще сдавший экзамены цзиньши, наверняка мечтал видеть сына великим ученым. Сюй на мгновение замер, а затем мягко улыбнулся:

— Господин, вы напрасно так думаете. Когда старый хозяин узнал, что вы ушли в армию, он не

только не расстроился, но и был весьма горд. Он сказал: «Долг мужчины в этом мире — подражать древнему Чемпиону-маркизу: защищать страну и совершить Фэн Лан Цзюй Сюй. Мой сын обладает такой волей, и это утешает мое сердце». Хозяин был человеком широкой души. Когда ваше лицо изуродовал шрам, он боялся лишь того, что вы падете духом. Лишь когда вы вновь обрели твердость, его сердце успокоилось.

Мужчина вспомнил лицо отца и его добрый голос. На душе стало тоскливо — он так и не успел увидеться с ним в последний раз.

Чтобы не расстраивать старика еще больше, он сменил тему:

— Юй-эр уже спит?

— Уснул. Как только увидел вас, силы его оставили. Когда я укладывал его, он даже во сне звал «брата Сяо Юаня», — Сюй невольно рассмеялся, вспомнив племянника Чу Цы.

— Его привязанность к Сяо Юаню воистину велика. Если бы не Чу Цы и этот мальчик, Юй-эр вряд ли смог бы так спокойно учиться в училище, — Коу Цзин помнил тот раздирающий душу плач, когда пришло время отдавать мальчика в школу.

— Да, юный господин с детства жил под крылом вашей сестры и совсем не знал сверстников. Лишь встретив Сяо Юаня, он обрел настоящего друга.

— Сестра наверняка была бы рада узнать об этом. Завтра я сам отвезу детей в училище и заодно поблагодарю брата Чу как следует.

***

Утром Чу Цы, как обычно, присоединился к Чжан Вэньхаю и остальным, чтобы выполнить комплекс «Игр пяти зверей». В глубине души он чувствовал себя нелепо, полагая, что с таким же успехом мог бы обучить их современным танцам на площади. Это ежедневное раннее вставание и коллективная гимнастика — чем они отличаются от стариков в городском парке? Впрочем, нельзя было не признать: по мере того как их ряды росли, к ним начали присоединяться даже некоторые наставники!

Вернувшись в комнату, Чу Цы застал Сяо Юаня уже полностью готовым и опрятным.

Умывшись, дядя и племянник вместе с толпой других учеников направились в столовую. На завтрак давали рисовую кашу с соленьями. Закуску готовила одна из местных мастериц: овощи были хрустящими, сочными и в меру острыми — Чу Цы ел, не переставая нахваливать.

В отличие от него, Чу Сяюань был рассеян. С каждым укусом он косился на дверь, надеясь увидеть своего маленького товарища.

— Эх, — тяжело вздохнул Чу Цы, привлекая внимание племянника. — Ты же сам говорил, что Юй-эр — плакса и хвостик? Почему же теперь так тоскуешь, не видел его всего один день?

— Ничего я не... тоскую! — упрямо буркнул Сяо Юань.

— Вот как? Тем лучше. Дядя Юй-эра вернулся, и, возможно, теперь они будут жить вместе. Ты снова свободен, разве это не радость? — Чу Цы сиял улыбкой.

Мальчик долго смотрел на дядю, насупившись, а затем его вдруг осенило:

— У нас же в комнате есть еще одна кровать! Пусть дядя Юй-эра живет с нами. Зимой, когда станет холодно, я буду спать с Юй-эром, а ты, дядя, ложись с его дядей. Тогда тебе не придется мерзнуть и теснить нас, идет?

Глядя в сияющие глаза племянника, остальные ученики не сдержали хохота. Редко кому удавалось так лихо поставить Чу Цы в тупик — и от этого на душе у них становилось удивительно легко.

Чу Цы бросил на Сяо Юаня строгий взгляд:

— Хватит болтать чепуху. Ешь быстрее, пора отводить тебя в училище.

Племянник лишь хмыкнул. Эти взрослые только и умеют, что угрожать! Потом у него тоже будут дети, и он ни за что не позволит им вставлять ни слова!

Они неспешно шли к Заведению для начинающих учеников, когда издали донесся звонкий крик: «Братец Юань!». Глаза Сяо Юаня вспыхнули, но он притворно-равнодушно отозвался, пробормотав под нос: «Глупец, чего так орать-то».

Чу Цы посмотрел на него с нескрываемым презрением.

«Ну и притворщик же ты», — подумал он.

Он обернулся на голос и увидел статную фигуру — лицо казалось одновременно незнакомым и близким. Хоть они виделись лишь мельком, тот образ глубоко врезался в память.

Мужчина тоже посмотрел в его сторону, и уголки его губ дрогнули в улыбке. Взгляд его потеплел, и он негромко, с какой-то особенной нежностью произнес:

— Младший брат Цы.

Чу Цы не мог описать свои чувства. Голос Коу Цзина звучал так мягко и вкрадчиво, что у Чу Цы возникло обманчивое ощущение, будто его щеки опалило жаром.

— Брат Коу, вы вернулись.

Коу Цзин едва заметно нахмурился:

— Зачем такая официальность? Почему ты снова зовешь меня «братом Коу»?

— Почтенный брат Мочжи, не сердись, я просто немного растерялся. Больше это не повторится, — поспешил поправиться Чу Цы.

Для людей того времени друзья по переписке были порой ближе родных. В их письмах сквозили такие фразы, как «взираю на горизонт в тоске по тебе» или «бумага коротка, но чувства мои глубоки» — так друзья выражали искреннюю привязанность.

Коу Цзин удовлетворенно кивнул и перевел взгляд на Чу Сяюаня:

— Впервые вижу твоего племянника, а у меня и подарка достойного нет. Юй-эр говорил, что Сяо Юань — мастер боевых искусств и человек великой души. Пусть эта безделушка останется ему на память.

Мальчик, пробормотав «дядя Коу», не мог оторвать взгляда от «безделушки» в руках воина. Это был кинжал размером с ладонь в изящных ножнах, украшенных драгоценными камнями.

Чу Цы, увидев это, заволновался:

— Вещь слишком дорогая, а Сяо Юань еще ребенок, вдруг испортит? К тому же он не знает меры в силе — боюсь, как бы не поранил товарищей. Спасибо за вашу доброту, но...

Коу Цзин усмехнулся и, взяв Чу Цы за руку, вложил в нее кинжал.

— Брат Чу, просто открой его и всё поймешь.

Чу Цы вытянул клинок. По металлу действительно пробежал холодный отблеск, но при ближайшем рассмотрении стало ясно: лезвие было толстым, а кончик — тупым. Кинжал не был заточен и не мог причинить вреда — это была всего лишь искусная игрушка, пускай и весьма ценная.

— Что ж, в таком случае приму этот дар от имени племянника. Спасибо, Мочжи, — Чу Цы с улыбкой передал кинжал Чу Сяюаню.

Мальчик с восторгом принял подарок:

— Спасибо, дядя Коу!

— Не за что. Это мне стоит тебя благодарить. Юй-эр говорил, что в школе ты всячески о нем заботишься. Спасибо.

Пока взрослые беседовали, Чжунли Юй уже извелся от нетерпения. Он схватил Сяо Юаня за руку и потянул за собой:

— Дядя, учитель Чу, мы сейчас опоздаем! Если наставник нас поймает, будет бить линейкой по ладоням!

Дети, взявшись за руки, убежали в здание, а Коу Цзин и Чу Цы направились к классу подготовки к провинциальным экзаменам.

— Почтенный брат Мочжи, что привело вас обратно? Помнится, в последнем письме вы обещали вернуться, лишь когда я получу степень цзюйжэня. До этого еще несколько месяцев — неужели что-то случилось?

— И да, и нет. После восхождения нового императора на престол по всей стране началась смена караулов. Нашего маршала перевели на границу провинции Сицзян, и мы, как его личная гвардия, последовали за ним. — Откровенность Коу Цзина была приятна Чу Цы, хотя эти сведения и не были большой военной тайной. — В уезд Юаньшань я прибыл с поручением: нужно набрать рекрутов для лагеря.

— Набрать рекрутов? — в голове Чу Цы тут же всплыли строки: «Вечером остановился в деревне Шихао, ночью пришли чиновники хватать людей». Испокон веков военная повинность была для народа самой страшной из всех бед.

— Всё не так, как ты думаешь. В честь восшествия на престол государь объявил амнистию, под которую попали и старые воины, чей возраст перевалил за пятьдесят пять лет. Казна выплатила им вознаграждение, чтобы они могли вернуться в родные края. Теперь в рядах нехватка людей, и мы восполняем ее из числа мирян. Всё сугубо добровольно: каждому, кто вступит в строй, сразу выдается два лян серебра, чтобы те могли оставить их родителям.

<http://bllate.org/book/15354/1435600>